а «исторически». Но если в литературно-житийной обработке мистический элемент сюжета стал все же доминирующим, в живописной он остался на втором плане, лишь как мотив изображения, которое оказалось до краев переполненным отголосками живой, реальной жизни и, может быть, личных впечатлений художника.

В XVI в., в период создания нашего памятника, в русском искусстве, как известно, разгоралась борьба за возможность сочинения новых сюжетов, за право художника на вымысел. Рассматриваемый памятник не связан с ней. Автор его не стремился к новаторству. Церковным собором и специальными совещаниями 1553—1554 гг. были сделаны послабления для жанра так называемых «притчей», т. е. аллегорически-символических сюжетов, но не для «бытийного письма». Несмотря на свое название «Видение», наш памятник, как и «Битва», должен быть относим к последнему, т. е., условно говоря, историческому роду.

Итак, независимо от возможности всеобщих и обязательных выводов, обоими взятыми случаями положение рисуется одинаково.

Новые «бытийные» сюжеты, сверх общеупотребительного в христианском искусстве их круга, в древнерусском искусстве возникали редко. Их появление не было случайным, но вызывалось важными поводами и отвечало существенным потребностям общественной жизни.

В основу их клались исторические события и факты, историчность которых, конечно, должна пониматься условно, соответственно тому, как все события священной евангельской истории и легенды патериков и прологов принимались древнерусским человеком за подлинную историю и иначе не считались достойным сюжетом ни литературы, ни искусства.

Иконы на новые сюжеты, по-видимому, непременно должны были иметь литературно-словесную основу. Такой основой не мог быть ни устный народно-эпический рассказ, ни даже письменное произведение светского характера, типа летописной записи, но обязательно произведение высоких церковных жанров — житие, сказание и т. п. Если такого не было, не могло появиться и произведения монументальной или станковой живописи (иконы) на данный сюжет.

Между ними, однако, могло не быть прямого соответствия. В односюжетном литературном произведении живописное лишь обретало, так сказать, себе оправдание. Разработка сюжета в них могла идти различно. Икона не была прямой иллюстрацией к повести, не следовала ей буквально. В изобразительном «изложении» сюжета могли использоваться и «светские» элементы: исторические предания, народно-поэтические примыслы, бытовые подробности.

Значение готовых схем в иконах, создаваемых на новые сюжеты, обычно преувеличивается. Использование их не было исключено, но лучшие произведения по основному замыслу и по композиции были оригинальными. Влияние «образцов» сводилось в них к использованию отдельных ранее созданных элементов, своего рода «общих мест».

Преимущество в обилии бытовых подробностей и реалий и отсюда в конкретности пластического образа следует признать за живописью.

Созданные вновь изобразительные произведения входили затем в употребление, в художественный обиход местных культурных центров наравне с другими иконными сюжетами, повторялись, приобретали устойчивую традицию.